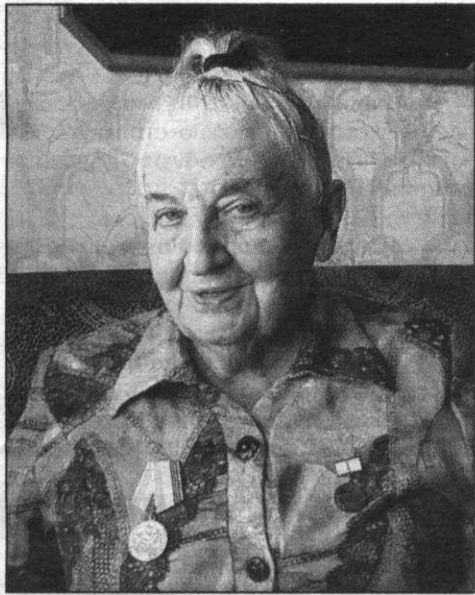

Голод притуплял чувство самосохранения

Галина Дзантемировна ГАППОЕВА — жительница блокадного Ленинграда, имеет почетное звание «Ветеран труда». В 1991 году она получила в наследство часть дома в посёлке Дибунь, с которым ее связывает длинная семенная история: много лет семья снимала там дачу у сослуживца отца Галины Гаппоевой по Советско-финской войне. Поэтому посёлок уже много десятилетий является ее вторым домом.

«Я каталась с Медного всадника»

«Я коренная ленинградка, с рождения жила в коммунальной квартире на Галерной улице, — говорит Галина Дзантемировна. — У нас было две шикарные большие комнаты на шестерых: маму, папу, трех детей и бабушку».

Окна выходили на Исаакиевский собор, а памятник Петру I был в 200 метрах от их парадной. «Летом я и другие дети каталась с тыловой части постаamenta Медного всадника, — вспоминает Галина Гаппоева. — Зимой горки делали около Сената и Синода, но там было опасно, можно было выехать под колеса машин, поэтому обычно мы катались с ледяной горы, которую делали в нашем дворе».

«Родители у меня были, что называется, «из бывших», — продолжает Галина Дзантемировна. — Отец, Дзантемир Темиркоевич — из осетинского дворянского рода, его прапрадед получил дворянство из рук Екатерины II, за участие в русско-турецкой войне 1787—1791 годов, а конкретно — за взятие крепости Измаил под командованием Александра Суворова. А мама, Евдокия Павловна — из зажиточных новгородских крестьян, которых раскулачили в 30-е годы».

Мама не работала, воспитывала нас троих: меня, сестру Азу и младшего брата Мурата. А наш папа работал механиком на шоколадной фабрике им. Крупской. Когда началась война, отец, несмотря на бронь, сразу ушел на Ленинградский фронт добровольцем. У него уже был опыт Советско-финской войны.

А мы все остались на иждивенческих карточках. Для нашей семьи голод начался уже с конца августа. Продовольственные карточки ввели в конце июля,

а норму хлеба снизили уже к середине сентября. И на мой день рождения у нас на столе не было ничего традиционного для праздника».

«Есть хотелось постоянно, — вспоминает Галина Дзантемировна. — Наверное, голод притуплял чувство самосохранения, потому что я, например, хоть и была ребенком, не боялась убитых людей. Моя тетья Линда работала в отряде сандружинниц, и я помогала им искать и уносить покойников после налетов. За это мне давали немного хлеба».

Маленькая Галя сама стала одной из первых жертв начала бомбежек и обстрелов города. «Мы играли во дворе, они шли анфиладой, и снаряд разорвался в самом последнем, а я стояла спиной к проходу, ведущему в него. Меня отбросило взрывной волной на стену дома, от удара сломался нос, передние зубы висели почти на ниточке. Куда идти, мы просто не знали. Бабушка уложила меня в кровать, вставила в нос обмотанные бинтом спички, так я и лежала, пока нос не зажил, а зубы не вросли на место. Правда, с возрастом там образовалась гематома и они натурально почернели. Так замуж и выходила — с черными зубами, — улыбается Галина Гаппоева. — Может быть, поэтому я и стала стоматологом».

Из блокады в осаду

В декабре 1941 года, когда стало совсем невмоготу, мама Галины отправилась пешком к папе на фронт. Она прошла больше 60 километров до станции Пери, каждую минуту рискуя нарваться на патрули или быть убитой. Но дошла. Отец посерел, когда увидел свою красавицу-жену изможденной, с ввалившимися щеками. Два дня она провела на позициях, ее подкармливали кто чем мог, собрали в вещмешок всё съедобное, что удалось найти, а отец где-то раздобыл овса, которым кормили лошадей. Солдатам даже удалось подвезти ее до основной дороги.

«Мы с трудом пережили ту первую зиму. Мама еще раз сходила к отцу и снова вернулась с продуктами. Потом папа не выдержал, написал на фабрику, и там включили нас в эвакуационный список, — поясняет Галина Гаппоева. — Мы решили ехать к родственникам отца во Владикавказ (в то время — Орджоникидзе). Тогда мы не знали, что попадем из блокады в блокаду. Об этом почти не говорят, но пока шла битва за Кавказ, город несколько месяцев находился на осадном положении, были перебои с продуктами, отсутствовали лекарства».

Но ничего этого весной 1942 года они не знали. Семью одной из последних эвакуиро-

вали по ледовой Дороге жизни: в апреле лед на Ладоге уже таял и трещал. К тому же трассу непрерывно бомбили.

«Перед нами грузовик ушел под воду, за нами тоже, — делится воспоминаниями Галина Дзантемировна. — А мы спаслись. Всех в кузове накрыли брезентом, но я в щелку между досками борта всё видела. Может быть, это детское восприятие, но мне было уже 12 лет, и я всё прекрасно помню. Дорога шла между сплошных ледяных стен, вдоль которых в десяти метрах друг от друга стояли солдаты — парни и девушки. Я не поняла, что произошло, но в какой-то момент они открыли для грузовика другой коридор. И мы выехали не в Кабону, а на станцию Жихарево. Нас встречали как чудом спасшихся».

Несколько месяцев они добирались до Владикавказа. А там младший брат Мурат заболел дифтерией, и его не смогли спасти — не было вакцины.

«Отец, узнав об этом, стал лезть в самое пекло. И он погиб уже после освобождения Ленинграда, в феврале 1944 года, так мы осиротели. Мы все его очень любили», — рассказывает Галина Дзантемировна.

Возвращение в Ленинград

В Ленинград семья вернулась в октябре 1944 года. Снова помогла фабрика имени Крупской, именно оттуда им прислали вызов.

«Мы приехали очень вовремя: еще пара дней — и потеряли бы комнаты, — считает Галина Дзантемировна. — Наша управдом была порядочной женщиной, но что она могла сделать, если наше жилье понравилось какому-то милиционерскому майору. И он, уж не знаю зачем, решил унести из комнат, которые собирался занять, старинные швейцарские часы. Мама буквально на лестнице поймала его за руку с этими часами и так на него набросилась, что он сбежал и больше не появлялся».

Галя вернулась к прерванной войной учебе в знаменитой школе №239, которая тогда находилась в «Доме со львами» (особняке Лобанова-Ростовского).

В 1945 году ей было уже 17 лет, а училась Галина только в восьмом классе.

В 1949 году она поступила в Ленинградский стоматологический институт. «Когда я училась на третьем курсе, это учебное заведение перевели в город Калинин (нынешняя Тверь), а из студентов старших курсов сформировали стоматологический факультет Первого медицинского института им. академика Павлова, — поясняет Галина Дзантемировна. — И у меня в дипломе написано не «стоматолог», а «врач». Это очень помогло мне в будущем».

В 1954 году она вышла замуж за Эльбруса Георгиевича Гаппоева — военного моряка-подводника. Вместе они переезжали из гарнизона в гарнизон, но где бы не находились, для Галины Дзан-

С мужем, Эльбрусом Георгиевичем

темировны всегда находилась работа: она была и стоматологом, и челюстно-лицевым хирургом, и просто врачом, и даже педиатром. Всё благодаря полученному образованию и записи в дипломе «врач».

В Ленинград вместе со старшим сыном Георгием они вернулись в 1958 году. Через девять лет появился второй

сын Дзантемир. Оба пошли почти по стопам отца: младший стал военным моряком, старший — гражданским. Но жизнь сложилась так, что теперь оба сына большую часть времени проводят на судах торгового флота, бывая во всех точках мира.

А Галина Дзантемировна почти полвека живет на два дома: и в Петербурге, и в Песочном. Несмотря на почтенный возраст, она активная, обаятельная, любит путешествовать, принимать гостей, ходить в театр.

Ксения КИРИЛЛОВА

Слева направо: мама Евдокия Павловна, Галина, тетья Линда, начало 1930-х гг.